

Научная статья

УДК 340.1, 342.4

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(3).293-299

EDN WZUPUS

Доктринальное толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты

Илья Анисимович Минникес

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
iaminnikes@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-6661>

АННОТАЦИЯ

Целью работы является исследование правовой природы доктринального толкования, его содержания и значения как самостоятельного вида толкования права. Отмечается, что термину «доктринальное толкование» на различных этапах развития российской юридической науки придавалось разное значение. В XIX – начале XX века доктринальное толкование понималось как интерпретационная деятельность, совершаемая лицами, применяющими закон. В советской правовой науке оно в основном понималось как научное толкование, исходящее от научных работников и специализированных научных учреждений. Автором анализируются основные подходы к пониманию доктринального толкования, его классификации. Отмечается, что легальное определение доктрины, данное в текстах нормативных актов, и определения, которые содержатся в научных исследованиях, существенно различаются. В качестве новации предлагается выделять первичное и вторичное доктринальное толкование. Первичное доктринальное толкование осуществляется учеными, научными коллективами, и оно существует независимо от того, востребованы ли в дальнейшем практикой результаты этого толкования. Вторичное имеет место, когда результаты первичного доктринального толкования востребованы в правотворческой или правоприменительной практике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

теория права, конституционное право, толкование права, доктринальное толкование, юридическая наука

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Минникес И.А. Доктринальное толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 3. С. 293–299. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(3).293-299. EDN WZUPUS

Original article

Doctrinal interpretation: theoretical legal and constitutional legal aspects

Iliia A. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russia
iaminnikes@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3491-6661>

ABSTRACT

The purpose of the work is to study the legal nature of doctrinal interpretation, its content and meaning as an independent type of interpretation of law. It is noted that the term «doctrinal interpretation» was given different meanings at different stages of the development of Russian legal science. In the XIX–early XX century, doctrinal interpretation was understood as an interpretive activity performed by persons applying the law. In Soviet legal science, it was mainly understood as a scientific interpretation coming from researchers and specialized scientific institutions. The article analyzes the main approaches to understanding doctrinal interpretation, shows the main classifications. Attention is drawn to the fact that the legal definition of the doctrine given in the texts of normative acts and the definitions contained in scientific research differ significantly. As an innovation, it is proposed to distinguish primary and secondary doctrinal interpretation. The primary doctrinal interpretation is carried out by scientists, scientific collectives, and it exists regardless of whether the results of this interpretation are in demand in the future in practice. The secondary takes place when the results of the primary doctrinal interpretation are demanded by law-making or law enforcement practice.

KEYWORDS

theory of law, constitutional law, interpretation of law, doctrinal interpretation, legal science

© Минникес И.А., 2023

FOR CITATION

Minnikes I.A. Doctrinal interpretation: theoretical legal and constitutional legal aspects. *Akademicheskij juridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(3):293–299. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(3).293-299. EDN WZUPUS

Введение

Проблема доктринального толкования всегда вызывала интерес у ученых-юристов. Причем с течением времени представления об этом виде толкования кардинально менялись. Представляется важным как с теоретических, так и с практических позиций проследить процесс становления и развития теоретических воззрений на данный вид толкования в российской юридической науке. Современное состояние юридической науки и практики заставляет во многом иначе взглянуть на такое явление, как доктринальное толкование, его понятие, признаки, его место среди других видов толкования. Тем более, что интерпретационная практика ставит перед исследователями новые задачи, которые нуждаются в надлежащем осмыслении и разрешении.

Проблема доктринального толкования в российской юридической науке

В дореволюционной российской юридической науке в понятие доктринального толкования вкладывался совершенно иной смысл, нежели то, что называется доктринальным толкованием в современной юриспруденции.

Профессор Санкт-Петербургского Императорского университета Н.М. Коркунов писал, что «кроме различия толкования по приемам, в старое время различали его так же по субъекту, от которого исходит толкование, на *доктринальное* и *легальное*. Доктринальное толкование это то, которое совершается лицами, применяющими закон, и сила которого основывается на его разумности. Легальное – это толкование, устанавливаемое обычаем (узвальное) или даже самим законодателем (аутентическое) и основывается не на разумности, а на авторитете обычая или законодательной власти» [1, с. 347].

Этот же подход мы видим в «Энциклопедии права» профессора Московского Императорского университета Е.Н. Трубецкого [2, с. 144].

Оба автора со ссылкой на Ф. Савиньи отвергали возможность легального толкования и говорили о том, что собственно толкованием может быть только толкование доктринальное.

Таким образом, выделялись два главные свойства доктринального толкования: 1) оно исходит от лиц, применяющих закон, и 2) его сила основана на разумности и зависит от его пра-

вильности. Из чего видно, что такое свойство доктринального толкования, как научность, в то время не упоминалось.

Несколько иная классификация была предложена Е.В. Васьковским. Первоначально в «Учении о толковании и применении гражданских законов» как основные он выделял словесный и реальный методы толкования, понимая их как родовые понятия [3]. Но позднее он дополнил свою классификацию, выделив легальное и судебное (оно же научное) толкование, которое подразделял на словесное и реальное [4, с. 29–30]. Однако использование автором термина «научное толкование» еще не означает выделение нового вида толкования. Совпадение с современной классификацией здесь скорее терминологическое, чем содержательное.

Справедливости ради необходимо упомянуть о том, что подобная классификация была высказана ранее известным немецким юристом Ф. Регельсбергером. В монографии «Общее учение о праве», которая была переведена и на русский язык, он различал научное толкование и легальную интерпретацию [5, с. 128–171]. Разумеется, такому крупному специалисту в теории толкования, как Е.В. Васьковский, была известна точка зрения немецкого коллеги. Тем более данная точка зрения была достаточно распространена среди западноевропейских юристов. Но поддержал он ее и включил в число возможных классификаций несколько позже.

Следует отметить, что и в XIX – начале XX века доктринальное толкование признавалось далеко не всеми российскими юристами.

Наиболее категорично высказывался по этому поводу Г.Ф. Шершеневич, который считал, что совершенно неправильно рассматривать процесс толкования норм права как научную деятельность. По его мнению, толковать законы могут и должны все, но это не значит, что это носит научный характер [6, с. 723–724].

В советской юриспруденции, на уровне научной и даже учебной литературы, какое-то время встречались классификации, данные еще дореволюционными исследователями.

Например, в учебнике по теории государства и права под редакцией М.П. Карева толкование делилось на легальное и доктринальное. Первое дается уполномоченными органами го-

сударственной власти и является обязательным, второе основано на научном исследовании и не обязательно [7, с. 424–425]. Фактически это деление повторяет самую распространенную в до-революционной российской юридической науке классификацию толкования.

Во многом созвучную с исследованиями начала века классификацию предлагал А.С. Шляпочников. Анализируя виды толкования уголовного закона, он выделял грамматическое и логическое толкование [8, с. 150].

Но потом подход к пониманию доктринального толкования существенно изменился. Большинство исследователей исходили и исходят из того, что доктринальное — это научное толкование (от латинского *doctrina* — учение, наука) [9]. И это позиция четко прослеживается на протяжении нескольких десятилетий.

Я.С. Михалык писала, что «доктринальное толкование, иначе называемое научным, дается учеными в лекциях, книгах, комментариях, научных статьях. Оно не имеет обязательного значения и поэтому является неофициальным. Но в силу авторитета науки оно оказывает определенное влияние на практику применения норм права. Научное толкование действующих законов имеет также большое значение для повышения уровня социалистического правосознания трудящихся и работников государственного аппарата и общественных организаций, лежащего в основе исполнения и применения права» [10, с. 38].

Аналогичную точку зрения высказывают авторы четырехтомного труда «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» [11, с. 488–489].

С.С. Алексеев относил доктринальное толкование к особой форме компетентного толкования. Под ним он понимал «толкование, даваемое научными работниками, преподавателями, квалифицированными практиками непосредственно в результате теоретического анализа права, т.е. в связи с обоснованием и применением теоретических концепций (доктрин)» [12, с. 313].

Несколько иной подход существовал в отраслевой советской юридической науке.

Например, Н.Д. Дурманов, рассуждая о проблемах толкования уголовного закона, писал, что «доктринальное толкование охватывает все виды толкования, не имеющего никакой обязательной юридической силы. Это толкование содержится в монографиях, учебниках, комментариях, статьях, других печатных произведениях, в лекциях, в выступлениях на семинарских и других занятиях, выступлениях научных и практических

работников и всех других граждан. Иногда такое толкование называют научным, но это название неточно, так как оно может не иметь непосредственного отношения к науке. Доктринальное толкование уголовного закона (название носит условный характер), не будучи обязательным, имеет большое значение, так как оно способствует, если оно основательно, глубоко и правильно познанию советского уголовного законодательства и его применению в следственной и судебной практике» [13, с. 292–293].

Данное определение в чем-то совпадает с общепринятым в советский период общетеоретическим определением, а в чем-то отличается.

Автор, как представляется, излишне расширил круг субъектов доктринального толкования, включая в него, помимо научных и практических работников, и других граждан. Кроме того, он полагал, что неточно называть доктринальное толкование научным, так как оно может не иметь непосредственного отношения к науке. Тем самым исключается главный признак доктринального толкования — научность. Возможно, это вызвано тем, что Н.Д. Дурманов объединял в одну группу толкования научных работников и практиков. Позже толкование практиков стали называть профессиональным толкованием и считать самостоятельным видом неофициального толкования наряду с обыденным и доктринальным (научным).

Однако и в советский период отношение к доктринальному толкованию не было однозначным. Были и противники этого вида толкования.

И.Е. Фарбер высказывал сомнения в целесообразности выделения такого вида толкования и даже говорил о его вредности [14, с. 41–42]. Но его точку зрения убедительно опроверг А.С. Пиголкин, обоснованно отмечая, что «отрицать объективное существование такого вида толкования — значит идти против фактов» [15, с. 161].

В.В. Лазарев приводит ряд весомых аргументов в пользу доктринального толкования. По его мнению, за каждым актом официального толкования стоит научная доктрина; результаты доктринального толкования нередко получают закрепление в нормативно-правовых актах; доктринальное толкование выражается не только в монографиях, комментариях, научных трудах, но имеет и другие проявления [16, с. 90]. И с таким подходом трудно не согласиться.

Анализ определений, которые являются наиболее характерными для советского и в некоторой степени постсоветского периодов развития юридической науки, позволяет выделить основные признаки доктринального толкования:

– доктринальное толкование – один из видов неофициального толкования;

– субъектами доктринального толкования являются ученые-юристы либо специализированные научно-исследовательские учреждения;

– результат такого толкования выражен в научных статьях, монографиях, комментариях, лекциях и т. п.;

– результат такого толкования не является обязательным;

– основано на авторитете лиц и организаций, дающих толкование;

– призвано повышать уровень правосознания и укрепления законности.

Позиция, сформированная советской юриспруденцией, находит продолжение и в современной российской юридической науке. При этом современные исследователи, опираясь на ранее созданный теоретический фундамент, находят новые аспекты этой по-прежнему актуальной проблематики.

Г.Н. Надежин в диссертационном исследовании «Доктринальное толкование норм права» определяет его как интеллектуально-волевой процесс, направленный на уяснение и разъяснение содержания норм права и иных связанных с ними правовых явлений, который осуществляется учеными и их коллективами вследствие научно-теоретического поиска, результаты которого отражаются в интерпретационных актах официального и неофициального характера [17, с. 6].

В данном случае представляет интерес такой момент, как включение в предмет толкования не только норм прав, но и связанных с ними правовых явлений. Это значительно расширяет возможности толкования, в том числе и доктринального. Кроме того, следует поддержать вывод автора о том, что результаты такого толкования отражаются в интерпретационных актах как официального, так и неофициального характера.

Д.А. Басангов в диссертации «Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ» выделяет следующие квалифицирующие признаки такого толкования: а) неофициальный, необязательный характер; б) многообразие используемых приемов и способов толкования; в) несоподчиненность актов толкования; г) отсутствие жестких требований к форме акта толкования; д) отсутствие формализованной связи между актами толкования и толкуемой нормой; е) проявление его содержания в тесной взаимосвязи с правосознанием, правовой культурой; ж) возможность влияния результатов данного толкования на нор-

мотворчество и правоприменительную практику [18, с. 5]. И хотя это отраслевое исследование, выделенные признаки вполне применимы к доктринальному толкованию в целом и имеют общетеоретическое значение.

Важно отметить, что именно в конституционном праве проблемы доктринального толкования получили наиболее всестороннее развитие по сравнению с другими отраслями права. Во многом этому способствует деятельность Конституционного Суда Российской Федерации.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «доктринальное толкование Конституции играет важную роль в конституционном судопроизводстве. Можно констатировать наибольшую близость толкования, осуществляемого Конституционным Судом, к доктринальному толкованию, которое в периоды реформирования общества, при кардинальном изменении в политическом и конституционном строе, выступает на передний план и, прежде всего, в конституционном контроле. Для преодоления разрыва между теорией и практикой толкования Конституции необходимы более широкие масштабы ее доктринального толкования» [19, с. 6].

Видовая принадлежность доктринального толкования

Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения доктринальное толкование, наряду с обыденным и профессиональным, является одним из видов неофициального толкования. Эта позиция нашла отражение как в научной, так и в учебной литературе [20, с. 304].

Однако некоторые авторы исследуют этот вопрос более глубоко.

С.С. Алексеев считал, что неофициальное толкование, как и всякое другое, выступает в качестве компетентного толкования, так как выражает специальное познание права. И на этом основании отграничивал компетентное толкование от обыденного, уяснения правовых норм в житейской практике, повседневной жизни [12, с. 312].

В.В. Лазарев также выделяет три вида неофициального толкования – обыденное, доктринальное и компетентное (а не профессиональное) толкование [16, с. 89]. И это не просто терминологическое несовпадение, здесь заложен более глубокий смысл.

Этот подход получил дальнейшее развитие в российской юриспруденции. Л.В. Сокурова была предложена несколько уточненная классификация, согласно которой неофициальное толкование подразделялось на обыденное и компетентное, а компетентное – на профессиональ-

ное и доктринальное [21, с. 23]. Такое уточнение представляется вполне оправданным.

В.В. Лазарев пошел в этом направлении гораздо дальше и выдвинул точку зрения, согласно которой не следует доктринальное толкование однозначно относить к неофициальному толкованию. По его мнению, оно может быть как неофициальным, так и официальным. Последнее происходит в том случае, когда научная доктрина получает одобрение компетентного государственного органа и возводится в ранг официальной. Правда, автор делает оговорку, что нельзя отождествлять всякое официальное толкование с официальным доктринальным, так как не всегда в основе официального толкования лежит научная доктрина [16, с. 90–91].

Идея, бесспорно, очень интересна и может иметь дальнейшее развитие, которое значимо как для теории права, так и для юридической практики.

В этой связи, думается, следует обратить внимание на существование ряда нормативных актов, в названии которых содержится термин «доктрина». Например, Военная доктрина Российской Федерации, Доктрина развития российской науки, Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, Морская доктрина Российской Федерации и т. д.¹ В разное время все они были утверждены указами Президента Российской Федерации. И в этих актах понимание доктрины несколько отличается от сугубо научного.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации² говорится, что «настоящая Доктрина представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере» (пункт 1) и «правовую основу настоящей Доктрины составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации» (пункт 4).

¹ Некоторые из перечисленных нормативных актов в настоящее время утратили силу и их тексты используются здесь только в качестве примера.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 05 дек. 2016 г. № 646 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612060002-06.12.2016>.

Во многих других официальных доктринах наблюдается подобный подход. Лишь иногда применяются другие термины и словосочетания при определении доктрины, например, «совокупность официально принятых в государстве взглядов» вместо «официальных взглядов». И в правовой основе уточняется предмет правового регулирования.

Представляет интерес тот факт, что в Доктрине развития российской науки³ понятие «доктрина» не сформулировано. Только в самом Указе говорится, что данная доктрина является основой проведения государственной научной политики (пункт 1).

Обращают на себя внимание два момента. Во-первых, в понимании доктрины в соответствии с названными документами включаются только официальные либо официально принятые взгляды. И во-вторых, в правовой основе перечисленных доктрин фигурируют только законы и иные нормативно-правовые акты. Упоминания о каких-либо научных исследованиях в этих документах отсутствуют. Разумеется, они использовались и были учтены при создании данных доктрин. Но можно ли это считать официальным доктринальным толкованием?

Следует выделить ряд аспектов в исследовании данной проблемы. И предложить несколько иной подход к ее осмыслению.

Думается, что можно говорить о *первичном и вторичном доктринальном толковании*. Первичное доктринальное толкование осуществляется учеными, научными коллективами, результат его находит отражение в монографиях, статьях, комментариях и т. д., и существует оно независимо от того, востребованы ли в дальнейшем практикой результаты этого толкования. Вторичное доктринальное толкование имеет место, когда результаты первичного доктринального толкования востребованы правотворческой или правоприменительной практикой.

Выводы

Подводя итог сказанному, важно отметить, что проблема доктринального толкования вызывает устойчивый интерес у юристов на протяжении нескольких столетий. И изменяющаяся правовая действительность открывает новые горизонты для дальнейших исследований.

³ О Доктрине развития российской науки : Указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884 (в ред. от 23 февр. 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3005; Собрание законодательства РФ. 2006. № 9. Ст. 988.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – 9-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. Н.К. Мартынова, 1909. – 364 с.
2. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – Москва : Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
3. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е.В. Васьковский. – Одесса : Тип. «Экон.», 1901. – 400 с.
4. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. – Москва : Тип. Бр. Башмаковых, 1913. – 158 с.
5. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер; пер. с нем. И.А. Базанова. – Москва : Т-во И.Д. Сытина, 1897. – 312 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Вып. четвертый / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Изд-во Бр. Башмаковых, 1912. – 805 с.
7. Теория государства и права : учебник / под ред. М.П. Карева. – Москва : Госюриздат, 1949. – 511 с.
8. Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона / А.С. Шляпочников. – Москва : Госюриздат, 1960. – 240 с.
9. Философский энциклопедический словарь / ред. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
10. Михалык Я.С. Применение социалистического права и период развернутого строительства коммунизма / Я.С. Михалык. – Москва : Госюриздат, 1963. – 44 с.
11. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право / ред. В.Е. Гулиев. – Москва : Юрид. лит., 1973. – 648 с.
12. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.
13. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 320 с.
14. Фарбер И.Е. Вопросы толкования советского закона / И.Е. Фарбер // Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского : ученые записки. – Саратов, 1956. – Вып. IV. – С. 40–55.
15. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР / А.С. Пиголкин. – Москва : Госюриздат, 1962. – 166 с.
16. Лазарев В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с. – EDN VMPYVB.
17. Надежин Г.Н. Доктринальное толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Г.Н. Надежин. – Нижний Новгород, 2005. – 25 с.
18. Басангов Д.А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Д.А. Басангов. – Москва, 2004. – 22 с.
19. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Т.Я. Хабриева. – Москва, 1997. – 369 с.
20. Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – Москва : Юристъ, 2004. – 414 с.
21. Соцура Л.В. Неофициальное толкование норм российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Л.В. Соцура. – Москва, 1998. – 35 с.

REFERENCES

1. Korkunov N.M. Lectures on general legal theory. 9th ed. Saint Petersburg, Martynov N.K. Publ., 1909. 364 p.
2. Trubetskoi E.N. Encyclopaedia of law. Moscow, Mamontov A.I. Publ., 1917. 227 p.
3. Vas'kovskii E.V. Civilistic methodology. Odessa, Ekon. Publ., 1901. Pt. 1. 400 p.
4. Vas'kovskii E.V. Guide to the Interpretation and Application of Laws: for a Novice Lawyers. Moscow, Bashmakovy Publ., 1913. 158 p.
5. Regelsberger F. *Pandekten*. Leipzig, 1893. 717 s. (Russ. ed.: Regelsberger F. *The general doctrine of law*. Moscow, Sytin I.D. Publ., 1897. 312 p.).
6. Shershenevich G.F. *General theory of law*. Moscow, Bashmakovy Publ., 1912. 805 p.
7. Kareva M.P. (ed.). *Theory of State and Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1949. 511 p.
8. Shlyapochnikov A.S. *Interpretation of Criminal law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 240 p.
9. Il'ichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M. (eds.). (1983) *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 839 p.
10. Mikhalyak Ya.S. *The Application of Socialist Law and the Period of the Extensive Construction of Communism*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 44 p.
11. Guliev V.E. (ed.). *Marxist-Leninist General Theory of State and Law: Socialist Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 648 p.
12. Alekseev S.S. *General Theory of Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. Vol. 2. 360 p.
13. Durmanov N.D. *Soviet criminal law*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1967. 320 p.

14. Farber I.E. Issues of Interpretation of Soviet Law. *Saratov Law Institute named after D.I. Kursky. Scientific notes*. Saratov, 1956, Iss. 4, pp. 40–55. (In Russian).
15. Pigolkin A.S. Interpretation of normative acts in the USSR. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 166 p.
16. Lazarev V.V. Application of Soviet law. Kazan Federal University Publ., 1972. 200 p. EDN: VMPYVB.
17. Nadezhin G.N. Doctrinal interpretation of the legal norms. *Cand. Diss. Thesis*. Nizhnii Novgorod, 2005. 25 p.
18. Basangov D.A. Doctrinal Constitutional Interpretation in the Activities of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2004. 22 p.
19. Khabrieva T.Ya. Interpretation of the Constitution of the Russian Federation: theory and practice. *Doct. Diss.* Moscow, 1997. 369 p.
20. Morozova L.A. *Theory of State and law*. Moscow, Yurist' Publ., 2004. 414 p.
21. Sotsuro L.V. Informal interpretation of Russian law. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1998. 35 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минникес Илья Анисимович — доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Minnikes — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.

Поступила в редакцию / Received 07.07.2023

Доработана после рецензирования / Revised 20.07.2023

Принята к публикации / Accepted 25.08.2023